

Лучшая книга года по версии
TIME, NPR,
THE NEW YORKER

ПАТТИ СМИТ — ХЛЕБ АНГЕЛОВ

18+

ОТ АВТОРА КНИГИ
“ПРОСТО ДЕТИ”

CoRpus

ПАТТИ СМИТ
Хлеб ангелов

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смит П.

Хлеб ангелов / П. Смит — «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-179071-4

Патти Смит написала несколько книг воспоминаний, и “Хлеб ангелов” — самая личная из них. Начинается рассказ с детства, а подростком Патти уже начинает всерьез задумываться об искусстве. Артур Рембо и Боб Дилан становятся ее главными ориентирами, она начинает писать стихи, а затем и песни, которые входят в первые ее альбомы. Но она оставляет сценическую карьеру и выходит замуж за Фреда Соиика Смита, главную любовь всей ее жизни. Тогда-то она начинает пробовать себя в прозе. И вместе с Фредом мечтает о путешествиях в дальние страны. А дальше — тяжкие утраты, глубокие переживания, необходимость отстраивать жизнь заново. На последних страницах книги мы снова видим Смит в дороге, странницу, которая отправляется в путешествия, чтобы не терять себя, которая живет для того, чтобы писать, и пишет для того, чтобы жить. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-179071-4

© Смит П., 2025

© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Прелюдия	7
Сознательный возраст	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Патти Смит Хлеб ангелов

Препятствия суть наши крылья.¹
Николай Гоголь

Patti Smith
Bread of Angels

Перевод с английского *Светланы Силаковой*

Copyright © 2025 by Patti Smith

© С. Силакова, перевод на русский язык, 2026

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026

© ООО «Издательство Аст», 2026

Издательство CORPUS ®

Прелюдия

Перо царапает страницу: “бунтарский горб бунтарский горб бунтарский горб”. “И что же значат эти слова?” – спрашивает перо. “Не знаю, – отвечает запястье. – Такие слова сейчас вытанцовываются, а авторша, квартирующая сейчас в «Долине Шарлотты» на севере Польши, потом решит”. Имя “Шарлотта” вызывает из памяти фарфоровое лицо куклы. Девочка оставила куклу на траве, убежала по ягоды. Вроде ненадолго, но успела про нее позабыть, и с течением времени брошенная кукла становится Шарлоттой под дождем, Шарлоттой в снегах, Шарлоттой в пасти проказливой собаки. Фарфоровую головку укрывают тени берез, растущих все выше и выше в снежные времена года, и листья тоже укрывают: сначала красные, потом мертвые. Солнечные времена года стирают с ее щек румянец, но им непокорна бесстрастная лазурь ее мраморных глаз.

Отчего лицо фарфоровое? Отчего бы не вспомнить лоскутную куклу, такую, как у меня самой, глазки-пуговицы на тряпичном лице? Эта склонность вставлять в рассказ вещи, которых у меня никогда в жизни не было, – откуда она берется? Это необъяснимое влечение к так называемым предметам роскоши, о которых пишут в книгах: жилет из натурального льна, лайковые перчатки, шевровые сапожки. Перерываю книги, словно воображаемые дорожные сундуки, в поисках одного особенного бархатного плаща – надо спрятать под ним миниатюрного Квазимодо, который заточен в нескладном детском теле. Бунтарский горб мой, он меня совсем не красит, но все равно необходим, бунтарский горб.

Отложив перо, ловлю себя на том, что мурлычу давнюю мелодию, песню болотистых лесных краев, где я когда-то медлила под быстрыми облаками, зачарованная всем вокруг. “Бунтарский горб, бунтарский горб”, проламываясь сквозь камыш, сквозь бескомпромиссные папоротники, шарахаясь от дурмана вонючего, от стай мошкары и комаров. Там я привязывала к своему ремню маленький молоток и миниатюрный фонарик. Колола булжники, чтобы добраться до их тайных сердцевин, сигналила кораблям пришельцев – пусть увезут меня в дальние дали, терпеливо дожидалась: я бы добровольно поднялась в их летающую тарелку. Разувалась, шла вслед за ручьями: в воде, как кружева, – водоросли и юркие головастики, высматривала во все глаза – не блеснет ли особая монета, в обмен на которую меня пустят в нижний мир? Или зазубренная кромка осколка: если приложить его в правильном месте, он соединится с остальными в карманное зеркальце, мое подобие, зеркальце не простое, а из слоновой кости.

Оставляю работу на столе и вхожу в лес, которым окружена “Долина Шарлотты”, инспектирую внутренние механизмы старейших деревьев. Между годовыми кольцами покоятся волокна четырех белых платьев, живые клетки детства. Накрахмаленные складки платья для первого причастия. Утлые лохмотья платья искусства. Вечернее платье, легкое, как носовой платок, чистосердечно-наивное, как рок-н-ролл, – подарок моего брата. И, наконец, прекрасно сохранившееся викторианское платье для чаепитий, мое свадебное платье, воплощение обетов и слез, пролитых мной по мужу, а мужа я когда-то любила больше, чем себя.

Бог шепчет сквозь морщину на обоях, капля воды лопается, образуя уравнение. Свет в лесу меркнет. Какой-то старик, сидя на бочке, поет: “Золотой нашел я в поле, кто его мне разменяет?” Откликается девочка: “Может, моя кукла, если я ее найду. У нее полный кошелек серебра”. Одно усилие воли – и кукла материализуется. Шарлотта. Сначала рука, затем торс, затем маленькая гордая головка, пристально смотрят синие глаза, выдавшие, как были низвергнуты с неба серафимы, как колыхались в резонанс, сгорая, звезды.

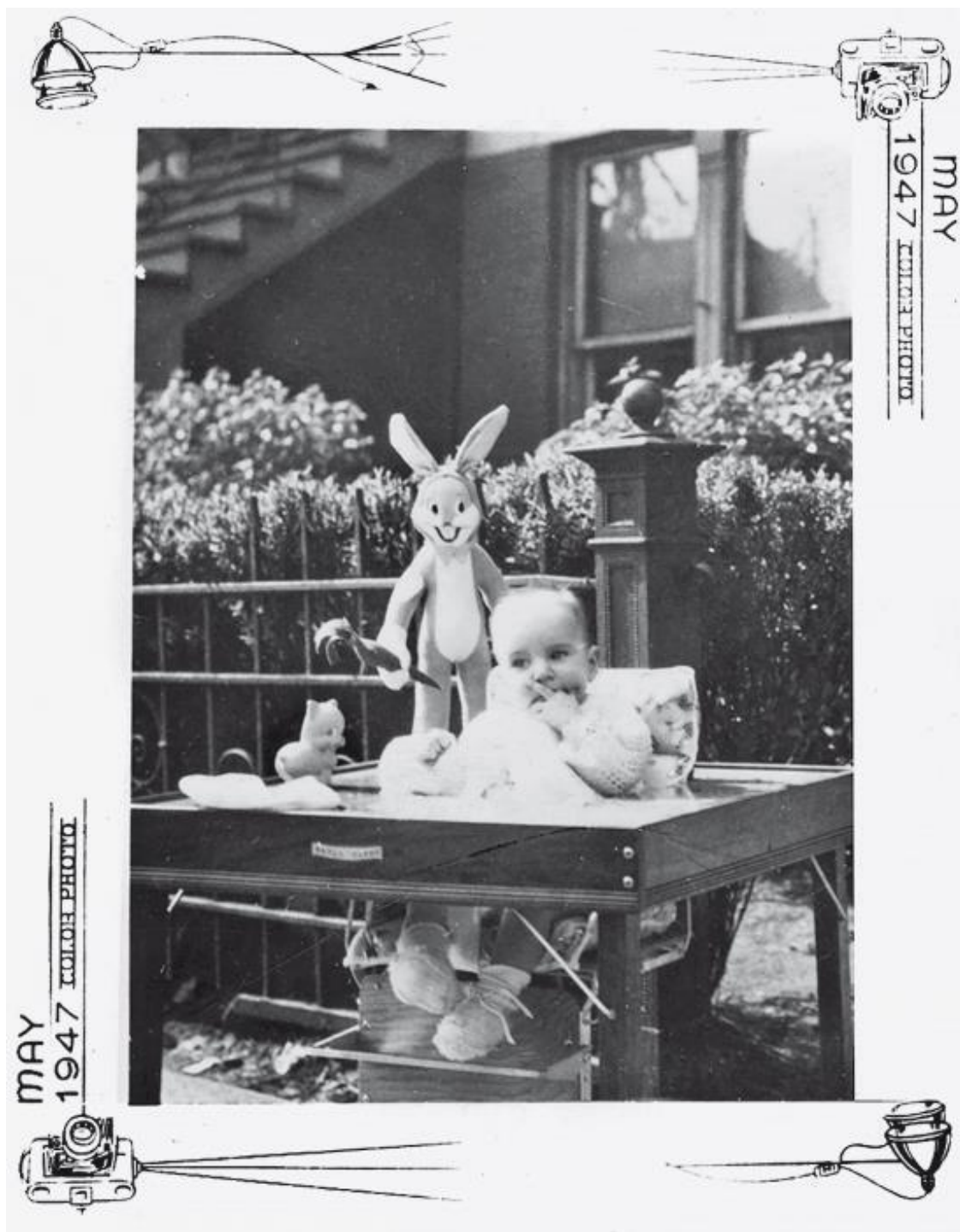
“Все умерли, все позабыто”, – откликается эхом чей-то голос. Составляю инвентарный перечень тех, кто все еще со мной. Бросаю составлять, добравшись только до лица моей сестры, невинного, но всеведущего. Пока она на этом свете, сохранность наших воспоминаний гаран-

тирована. Ну, а в будущем, когда нас обоих не станет? “Пиши для этого будущего, – говорит перо, – ради выбракованного ягненка, ради ягненка, которого унес ветер, словно пепел с горящего чердака”. Песочные часы переворачиваются. Каждая песчинка – слово, слово-вулкан, извергающее тысячу других слов, первые и последние мгновения каждого живого существа.

Вижу себя на цыпочках: тянусь к малиновой книге, возбуждающей жадное любопытство малого ребенка. Я хотела знать, что там внутри, а со временем возжелала сама написать книгу. Верила, что смогу написать самую длинную книгу на свете, записать все до одного события за каждый день. Изложить все на бумаге такими словами, чтобы каждый человек нашел что-нибудь свое. Некоторые, возможно, останутся со мной, другие улетают прочь. Я свое дело сделала – излила все, стоя на гребне лучезарного холма, в лучах беспощадного солнца, одинокая путешественница в поисках сада, где на часах всегда время детства.

Сознательный возраст

Движение – первое ощущение, которое помню. Моя рука машет взад-вперед, и эта скромная затея выливается в падение Багза Банни с моего столика для кормления. Мой безмолвный сотоварищ, только что восседавший напротив, огромный, почти как настоящий кролик, исчез, как исчезали корабли викингов, срываясь с края света. Упал так быстро, что перед глазами все расплылось, туда, куда мне не дотянуться; впервые я столкнулась с последствиями своих поступков. Помню себя на руках у отца, помню, что на руках у матери чувствовала себя совсем иначе. Отец был спокойный, я льнула к его утешительному плечу. Меня инстинктивно тянуло к нему, хотя мать, в отличие от него, всегда была около меня неотступно, всегда командовала. В неполный год отроду я сделала первые неуверенные шаги по кухонному полу. И с тех пор не останавливалась. Маме не было сладу со старшим ребенком – непоседливой почемучкой, которую неудержимо влекло исследовать мир, вырваться из ее объятий, удирать на волю в парках, теряться в универмагах и в грош не ставить ее любовь.

День памяти павших. Чикаго, 1947 г.

Она предостерегала о последствиях тысячи моих затей, но я была просто обязана сама удостовериться в ее правоте и возвращалась покусанная, ужаленная, в синяках и ссадинах, всячески побитая жизнью. Плохо сознавая, сколько со мной хлопот, какой хаос я учиняю, я тянулась к запретному: непотушенной сигарете, серебряной настольной зажигалке – если ей щелкнуть, сверкнет красивый огонь, надевала на запястье тугую резинку. На пальце волдырь, рука посинела.

Кусочек за кусочком складываю все более обширную мозаику своей предыстории. После окончания Второй мировой войны Грант Харрисон Смит – сердце разбито, голову после малярии распирают мигрени – вернулся с фронта (он воевал в Новой Гвинее и на Филиппинах)

в Филадельфию. В свое время он так и не окончил среднюю школу – предпочел стать основным танцором в семейном трио чечеточников и акробатов: он, его сестра и брат. Но война поставила крест на перспективах трио. Беверли Уильямс, молодая вдова, потерявшая сына в родах, работала в ночном клубе. Грант и Беверли были знакомы еще в ранней юности, а после войны обрели в объятиях друг друга утешение и чувство воссоединения со старой, знакомой жизнью. Грант слегка растерялся в новые времена, но верил, что будущее – за телевидением. В 1946 году он подал документы и был принят в чикагское техническое училище, где действовала послевоенная мера стимулирования – платили стипендию, двадцать долларов в неделю. В соответствии с планами Гранта мои будущие родители заключили брак без пышных церемоний – просто записались в мэрии – и тут же уехали на поезде в Чикаго. Сняли две комнаты в пансионе в польском квартале около Логан-сквер. Мама, уже беременная мной, работала официанткой до последнего, пока могла держаться на ногах.

Меня ждали 31 декабря, но я появилась на свет в разгаре грандиозного бурана и на день раньше положенного. Отняла у мамы шанс получить новогодний подарок – холодильник экспериментальной модели, их раздавали роженицам в порядке рекламы. Пришлось обходиться старомодным ледником, каждую неделю ждать, пока возчик на телеге привезет здоровенный кусок льда.

На странице огромного альбома в выцветшей розовой обложке “От нуля до семи” – хроники моей жизни, с записями о перенесенных болезнях, подробностями праздников и перечнями моих достижений, мать записала стихотворение под названием “Пагги”. Чувствуется, что она была рада рождению маленькой девочки, хоть и болезненной – у меня были серьезные проблемы с бронхами. Отец говорил, что я раскашлялась, не успев родиться. Он закутал меня в одеяло, и родители вместе вышли из роддома. На улице кружила метель. Мать говорила, что отец спас мне жизнь: часами держал меня над лоханью, чтобы я дышала теплым паром. Но я ничегошеньки не ведала ни о папиных надеждах, ни о тяготах маминой жизни – она скоро забеременела снова.

Моя сестра Линда появилась на свет спустя тринадцать месяцев после моего рождения, тоже во время чикагского бурана. В два года я не могла выговорить “Линда” и звала ее “Динни”, это имя на какое-то время к ней прилипло. Отчетливо вижу маму: темные волнистые волосы, вечная сигарета в зубах, я кручусь вокруг, второй ребенок – в коляске, третий – в животе, скрытом от посторонних глаз под безразмерным пальто фасона “честерфильд”. Когда утаивать беременность стало невозможно, хозяин пансиона нас выселил. Двое детей, третий на подходе. Отцу пришлось попрощаться с мечтой о мире телевизионной техники, развивавшемся семимильными шагами. Пришлось найти работу на полную ставку.

В моем альбоме “От нуля до семи” мама записывала все наши адреса. За первые четыре года моей жизни – одиннадцать переездов, из пансионатов – в меблированные комнаты. Сели в поезд, прибыли в Филадельфию. Ненадолго погостили в негостеприимном доме Глории, сестры отца, красавицы, но злыдни. Отчетливо вижу спинет – это вроде маленького пианино – моей бабушки Джесси. И вижу, как тетя меня колотит за то, что я пыталась играть на спинете.

Той зимой мы переехали от Глории на улицу Гамильтон неподалеку. Отец нашел работу на фабрике, где был профсоюз, выходил в ночную смену, мать по-прежнему была официанткой. В сочельник после долгого рабочего дня, прежде чем сесть в переполненный автобус до дома, мать купила нам подарки. Денег хватило только на пару больших леденцов и пару маленьких деревянных пингвинов, раскрашенных вручную. Вышла из автобуса – а ремешок свисает: сумочку срезал вор. Год за годом она рассказывала эту историю снова и снова: в ней не утихала боль оттого, что в том году дочка осталась без рождественских подарков. С тех пор я не могу пройти мимо пингвинчиков на блошиных рынках и в дешевых магазинах – словно пытаюсь заполнить огромную льдину, которая осталась с тех пор в мамином печальном, стойком сердце.

Наш новый братик родился в июне 1949 года. Его назвали Тодд. Маленькое, сморщенное существо, закутанное в голубое одеяло. Мама уложила его в плетеную корзину и велела нам его не тревожить. Помню, как стояла над ним и смотрела во все глаза, и меня переполняло чувство, что его надо оберегать.

Спустя недолгое время у меня нашли туберкулез – в нашем квартале им болели многие дети из бедных иммигрантских семей. Чтобы оградить малышей от заразы, а меня переселить в места, полезные для здоровья, мой дед с материнской стороны, Папа Фрэнк, как мы его называли, мигом увез меня из многонаселенного пансиона в Филадельфии на свою овцеводческую ферму в Чаттануге. Он был красивый и добродушный, играл регтаймы на пианино. Мне дозволялось свободно резвиться на свежем воздухе, я набрала вес на овечьем молоке и крупных дозах стрептомицина, которые мне вкалывали гигантским стеклянным шприцем. Позднее я узнала, что Долли, вторая жена Папы Фрэнка – она была бездетная, намного моложе мужа – замыслила навсегда оставить меня у себя.

Мама любила своего отца, но в конце концов, прожив чуть ли не год в разлуке со мной, была вынуждена пригрозить ему судом – только тогда он согласился вернуть меня домой. Мама говорила, что вернулась я с южным выговором, в лаковых туфлях и с набором серебряных столовых приборов: ложкой и вилкой с гравировкой “ПАТТИ ЛИ”. Об этом периоде разлуки у меня почти нет воспоминаний. А в моем альбоме указан только день, когда самолет унес меня в Чаттанугу. Да еще страница с шапкой “Как мы праздновали мое трехлетие” осталась незаполненной.

1 мая 1950 года мы переехали вроде бы недалеко – меньше чем за две мили – на тот берег реки Скулкилл, на улицу Баринг. Я была говорливой и неугомонной, и мама разрешала мне, пока младенец спит, сидеть на крыльце одной, если я пообещаю не отходить от дома. Там я блаженствовала, наблюдая за последними пережитками сороковых годов, которые скоро сокрушил напор современной эпохи. Лошади, запряженные в телеги, возчик, который доставлял лед, тряпичник, шарманщик с обезьянкой в красной шапочке. Напротив высилось здание в средневековом стиле, выстроенное в 1892 году одним железнодорожным магнатом родом из Ирландии. Оно было похоже на маленький замок: башни с зубцами, деревянное крыльцо викторианской эпохи, остроконечная крыша. Позднее там устроили Дом уединения Доминиканского ордена. Дом казался абсолютно сказочным, хозяйничали там, торопливо семеня, монахи в черных плащах и белых рясах. Кипучая жизнь улицы Баринг распалая мое воображение; сказочный замок и приветливая обезьянка шарманщика просочились в сказки, которые я со временем стала рассказывать сестре и брату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.